

- философия. СПб. 2008. – № 4 (17). С. 54- 67.
 10. Примаков Е.М. Мир без России? С. 37.
 11. Василенко И.А. Политическая глобалистика. - М., 2000. С. 317.

V. Ioshkin

THE CONCEPT OF FREEDOM AND UNFREEDOM OF BEING: ITS VALUE FOR THE ANALYSIS OF PROBLEMS OF THE POLICY

Abstract: In the article is considered a methodological role of the concept of freedom and unfree-

dom in comprehension of political aspect of social being. Existence of the subject of the policy, separate directions of its activity is analyzed, perspectivity of application of the concept in the analysis of problems of human being is considered.

Key words: freedom, condition freedom, activity freedom, unfreedom, unfreedom internal, unfreedom external, formation.

УДК 271.2

Лобазова О.Ф.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПРАВОСЛАВИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ*

Аннотация: Тенденции объективного процесса глобализации и субъективной политики глобализма могут получить качественно иное воплощение под воздействием гуманистического содержания православного мировоззрения.

Ключевые слова: гуманизм православия, тенденции глобализации.

Характерной чертой поступательного развития человечества является расширение и углубление связей и взаимодействия между различными странами и регионами. В последнее время изданы научные исследования, посвященные целиком этой проблеме [1], или рассматривающие глобализационные процессы в контексте собственной, присущей конкретному исследованию, проблематики [2]. В литературе встречаются три термина, при помощи которых происходит описание современных явлений: «глобальные процессы», «глобализация» и «глобализм». В данной работе базовым является определение, предложенное академиком РАН В.И. Жуковым: *глобальные процессы* – это интеграционная сущность развивающихся международных отношений; *глобализация* – это развитие глобальных процессов; *глобализм* – это политика ряда ведущих стран мира во главе с США [3;465].

Реальные последствия глобализации таковы: 1) современный этап глобализации – это эпоха небывалого обострения конкуренции, ведущейся на уничтожение слабых конкурентов; 2) возрастает значение национальных особенностей и даже самые странности особенностей начинают играть роль конкурентного ресурса; 3) повышаются требования к качеству государственного управления [4;469]. Социальные последствия глобализации,

возникающие вследствие политики глобализма, сводятся к следующему: стремительное увеличение неравенства в развитии государств; углубление пропасти между бедными и богатыми жителями планеты; разрыв между уровнями жизни людей в развитых и развивающихся странах; противоречие между расточительностью в природопользовании развитых стран и ухудшением экологической ситуации в мире; несоответствие роста численности населения планеты и роста обеспеченности пищевыми ресурсами [5;471-478].

В результате политики глобализма, не снижающейся, а обостряющей противоречия глобализации, происходят изменения не только в экономической и политической жизни. Изменяется личностный тип активного участника общественных процессов, изменяются критерии его духовной жизни, смыслы и цели существования. В свое время Чикагская школа в социологии на примере иммигрантов сформировала понятие «маргинальная личность». И вот сейчас, в эпоху глобализации, возникли маргиналы нового типа. Как пишет по этому поводу А. Моосмюллер, концепция маргинальной личности радикально изменилась: беспочвенный культурный кочевник сегодня выступает не в качестве достойной сожаления фигуры, а в качестве культурного героя, как, например, «глобальный игрок», который пользуется преимуществами холодно-отстраненного отношения к стране обитания, чужд моральных обязательств и сантиментов. Этот новый маргинал «стоит между двух культур... но посередине мира» [6;199,261-262].

Словом, перед нами – качественно новый тип социальной поляризации. В глобальном мире все условия жизни превращаются в отчуждаемые и присваиваемые людьми со стороны. Элитарная

* © Лобазова О.Ф.

маргинальность как главенствующий парадокс глобального мира уже обрела своих пропагандистов в лице апологетов либеральной демократии. Глобализм – это демократия для привилегированного экстерриториального меньшинства, что означает вытеснение национальных элит транснациональными политическими и экономическими элитами. «Правительства осуществляют мероприятия по реструктуризации и служат интересам транснационального капитала не просто потому, что они оказываются «бессильными» перед лицом глобализации. Возникло новое историческое сочетание социальных сил, служащее органической социальной базой для неолиберальной реструктуризации экономики» [7;31].

Новая личность глобального мира, пренебрегая сложившейся социально-групповой и культурной идентичностью и связанными с нею ценностными кодексами, вступает в ничем не регулируемые транснациональные контакты, что порождает нового монстра – человека без норм. Противостоять такому человеку без норм, а вернее, с нормами «безудержного гедонизма и декадентской расслабленности» [8;432], может только сообщество личностей, обладающих совершенно противоположными качествами. Потребуется не просто самоограничения, но сознательная аскеза потребления и творческого напряжения, чтобы дать и природе, и обществу восстановить свои ресурсы и обрести новые возможности развития.

Конечно, одна личность или даже большая группа, не сможет противостоять глобализму и предложить альтернативный вариант участия в глобальных процессах – это под силу только культурной системе, цивилизации. А.С. Панарин называет три варианта противостояния Западу силами незападных цивилизаций [9;433-446]. Первый вариант является по сути контримперским, поскольку предполагает мобилизовать защитный антизападный милитаризм, по меньшей мере, равный западному по силе (пример этому – Китай). Второй вариант ответа способен дать современный мусульманский мир. Третий ответ глобализму – православие. Православная цивилизация нацелена на рост общих знаний о мире, которые должны превышать сумму полезных, технически применяемых знаний. В связи с этим православная цивилизация осуществляет познание всего мира, поддерживая неразрывность отношений космос – общество – человек. В лице русского православия мы видим доказательство того, что движение к техническому прогрессу не обязательно должно сопровождаться несправедливым характером социальных отношений – оно может вмещать в себя энергию христианского сочувствия к обездоленным.

Всё это основано на некоторых особенных

чертах, присущих православному миропониманию, среди которых мы выделим: космизм и христоцентризм. Среди особенностей православного мироотношения следует выделить отношение к ведущим способам освоения мира, когда главное место в культуре занимает моральная воля и вся энергия преобразования мира ведёт человека к полной реализации возможностей личности в пределах добра, справедливости и целесообразности мира. На основании этого существуют такие формы социальной практики как аскетизм и жертвенность, творческий порыв дарения, максимальное милосердие ко всем, кто в этом нуждается. Призвание православия в глобальном мире заключается в том, чтобы заново утвердить единство человечества.

Перед лицом глобальных вызовов должен оказаться планетарный человек, осознающий бремя судьбы и свой статус в единстве природы, общества и личности. Такая установка сознания была предвосхищена отцами Восточной Церкви. «Это имеют одинаково все: и явленный при первом устройении мира человек, и тот, который будет при скончании Вселенной, они равно носят в себе образ Божий. Поэтому целое наименование одним человеком» [10;10]. Это есть сущность православного универсализма, противостоящего глобализму. Парадигма православного универсализма основана на признании глобальных проблем основными проблемами всего человеческого существования, которые требуют системного решения объединёнными усилиями всего человечества, впервые выступающего как осознанно действующий планетарный субъект.

Православный универсализм способен дать новый шанс человечеству своим участием в глобализационных процессах за счёт своих специфических ресурсов. Православный космизм и христоцентризм являются методологической и нравственной основой для иного варианта развития глобальных процессов, если центр управления ими сможет сместиться. В настоящий момент управление политикой глобализма совершается из одного центра, но возможно его перемещение в другой центр, и тогда сущность политики будет изменена. Если управляемое воздействие на процессы глобализации будет осуществляться при активном участии России, то сущность политики будет определяться социально-культурными особенностями российской цивилизации. Иногда представляется, что все проблемы перемещения центра управления мировой политики связаны с наращиванием экономической и политической мощи. Но, на самом деле, реально первоначально требуется лишь разрешить существующие конфликты внутри российской цивилизации, которые обусловлены спецификой её исторического раз-

вития.

Драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала не довольствовалась личностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной. Речь идёт об идеократической идентичности, основанной на привязанности к священному идеалу – тексту и на аскезе, необходимой для того, чтобы ему соответствовать и сберечь от посягательств [11;8]. Особенности русской культуры состоит в том, что она, во-первых, больше других тяготеет к «монотекстуальности» (пронизанности всех практик единым центральным смыслом), во-вторых, её процедуры подведения действительности под нормативный текст требуют значительно большего внутреннего напряжения в силу изначальной «дистанцированности ортодоксального греко-православного текста от эмпирической русской реальности» [12;11].

Две конфликтные линии врываются в российскую историю. Во-первых, это противостояние ортодоксальной аскетики и быта, который теряет узаконенность со стороны религиозно-философского начала по мере того, как становится все более лёгким и устроенным. Во-вторых, противостояние всемирного, универсального и местного, специфического. Православное российское сознание отличается постоянной полемикой с самим собой во имя движения к высшему и универсальному идеалу, постоянным стремлением максимально быстро и полно воплотить возможные варианты улучшения жизни. Все «планетарные проекты» были испытаны на российской почве и потерпели крах. Первым «планетарным проектом», который Россия похоронила, был проект кочевнической империи. Это отметил А.Тойнби в своем «Постижении истории».

В России, пишет он, впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу удалось «не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и достичь действительной победы, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в осёдлые деревни» [13;140]. Второй «планетарный проект», преодоленный Россией, выражался в идее Интернационала. Новый набег хищников-кочевников совершился в 90-е годы XX века. А.С. Панарин так обозначил основные параметры нового этапа внутреннего конфликта: противопоставление труженика новому кочевнику в облике ростовщика; противопоставление аскетической жертвенности, связанной с верностью священному завету, божественной распущенности и безответственности; противопоставление соборного начала индивидуально-эгоисти-

ческому [14;456].

Российское государство постоянно подвергается критике из-за собственных методов воплощения идеи свободного рынка и политической демократии, хотя некоторое время усиленно старалось соответствовать западным образцам. Но более всего подвергается критике традиционная российская религиозность. Культурная идентичность, которую стремится разрушить современный глобализм, базируется в своих основаниях, прежде всего, на конфессиональной принадлежности. Именно поэтому православие подвергается усиленным нападкам со стороны представителей либеральной идеологии центра глобализма.

Мировое значение православия заключается в том, что оно сумело не подавить, а претворить и в претворенном виде донести до современности живую энергию чувства космической причастности. Потому что, с точки зрения православия, нет и не может быть сепаратного спасения человека – он спасается вместе со всем миром, решая тем самым и судьбы космоса. Православный космизм рождает принцип изначального доверия к устройству мира как задуманному и осуществленному не по технологическому умыслу, а по вдохновению. Не случайно тема сопоставления и противопоставления ветхозаветного закона и христовой благодати пронизывает философию православия на протяжении всей истории страны.

Структура православного бытия раскрывается в следующей логике: космос – человек – социум. Человек удаляется от социума, погрязшего в грехе, пребывает в отшельничестве, чтобы познать истину. Истина, проявившись в одном человеке, своей силой воздействует на социум, делая его другим, просветленным. Структура осознания действительности в западной цивилизации выражается в иной формуле: социум – человек – космос. Первичен здесь социум, понимаемый как коллективное предприятие по эксплуатации природы.

Православная модель предполагает периодический уход от коснеющей системы социальных норм и установлений, выход в «открытый космос». Эти выходы проявляются в двух противоположных формах: форме потайного исхода – побега на окраины, в пространство воли, и форме иноческого исхода в места, огражденные от влияния социума. Космос православия – это космос, в котором спасение души совершается независимо от социальных и небесных иерархий, «стартовых условий» и прецедентов. Православный человек – это странник, постоянно готовый пересмотреть сложившийся социально организованный порядок. Этому странничеству благоприятствует русский простор, в котором с лёгкостью растворяются застывшие культурные и социальные формы. Ра-

умеется, это таит в себе не только возможности высокой духовности, но и потенции нигилизма. Как писал Ф.А. Степун, «всякое отрицание формы, всякое формоборчество таит в себе два внутренне противоположных и всё же часто связанных друг с другом начала: начало мистического утверждения превыше всякой формы пребывающего и ни в какой форме полностью не выразимого абсолюта и начало варварского отрицания всех форм культурного творчества» [15;9].

Православие предостерегает: тем, кто ищет лёгкий путь, достанется в итоге тяжчайшая доля, те, кто возгордился – будут унижены. Православие не призывает человека отказаться от тяжёлой доли по устройению окружающего бытия, но основные проблемы, которые необходимо решать в ходе своей жизни – другие. Выбор, который совершает человек, согласно православию, следующий: менять жизнь во имя правды – или в угоду греховным страстям; менять её для всех – или для одних только избранных.

Православное мировоззрение выбирает жизнь во имя правды и для распространения её на всех живущих. Именно в этом заключены позитивные возможности влияния православной цивилизации на глобальные процессы современности, которые требуют планетарного подхода к своему решению.

Сегодня мы видим явное отчуждение идеи прогресса от большинства человечества. Прогресс из всеобщей категории превратился в приватную категорию, касающуюся только «золотого миллиарда». Входящим в «золотой миллиард» противопоставлено христианское человеколюбие, самоотверженность, сострадание. Ведь с таким наследием в душе невозможно строить своё благополучие на фоне усиливающейся бедности других. Человечеству как виду, чтобы предотвратить окончательное вырождение и одичание, объективно понадобятся такие запасы милосердия и сострадания к «неудачникам», в каких оно ещё никогда до этого не нуждалось. Милосердие и сострадание предназначены для всех и отдаются в качестве дара, но необходимо понять – кто именно в этих дарах сегодня особенно нуждается.

Ещё недавно символом отсталости и неудач служил третий мир. Сегодня он всё более дифференцируется. Аутсайдерами третьего мира стали «страны глубокого юга». Так появляется четвёртый мир, определяемый по критериям: экономическая отсталость и разрыв между богатством и бедностью; социально-психологическая неадаптированность к новым требованиям постмодерна; переживание чувства гражданской неполноценности по этническому признаку [16;161]. Внеэкономическую концепцию четвёртого мира представляет профессор Калифорнийского университета в Бер-

кли Нитшман. Он отмечает в качестве характерных черт нового мира «глобальные проявления этноцида и экоцида как результат стремления 168 международно признанных национальных государств захватить, подавить и подвергнуть эксплуатации более 5000 непризнанных национальностей» [17;225].

Современный мир делится не только на богатых и бедных. Он делится на признанных, ведущих легальное существование, и тех, чья идентичность подвергнута запрету и методически преследуется во всех своих проявлениях. Это касается национальных групп, проживающих в странах, где их национальная принадлежность объявляется признаком ущербности (например, русские в Прибалтике)[18]. Ещё одна изгойская категория, принадлежащая к четвёртому миру современности, представлена мигрантами и беженцами [19]. В связи с этим формируется новое разделение труда, выделяются типы работ, изначально признанные иммигрантскими – недостойными граждан процветающей страны. Подобное явление наблюдается и в странах православного региона, которые всегда отличались своей этнической широтой и терпимостью. Если система координат «успеха» не изменится, то православная цивилизация и её носители будут вечными неудачниками мира постмодерна.

Четвёртый мир существует не только как разделённость между странами и народами, но и как разделённость внутри народов. Речь идёт о тех, кто с помощью алкоголя и наркотиков эмигрирует из реального мира. Сложилась две позиции в отношении к таким людям. Первые смотрят на них с брезгливостью, как на неудавшийся материал природы. Вторые усматривают в них бунт контркультуры, сознательный отказ от морали общества потребления. Православное видение этой проблемы другое. В этом пространстве гибнущих людей, отвергнутых обществом из-за ролевого несоответствия, современная православная культура видит общинников, гибнущих без общины. Они – не худшие, но слабейшие. Принципы христианского отношения к слабым представителям рода человеческого определены содержанием взглядов на то, по каким критериям определяется сила или слабость человека в этом мире, его сила или слабость в мире ином. Возможность спасения души, которая распространяется на всех благодаря милости бога, рассматривается как основание равенства всех людей и их права на милосердие уже сейчас, в этом мире.

Восточная патристика дала обнадеживающий ответ на самый страшный и мучительный вопрос верующего сознания – о том, кто и как будет вершить последний, Страшный суд. По утверждению св. Григория Нисского: «Если бы Бог

Отец производил всеобщий суд самолично, то Он в данном случае, при оценке человеческих поступков, руководился бы Своей абсолютной правдой, и тогда – так как пред абсолютной Божьей правдой все люди являются неизмеримо виновными – никто из людей не мог бы достигнуть спасения. Но Бог Отец... предоставляет производство всеобщего суда Своему Сыну, Который, будучи на земле, жил человеческой жизнью, испытал на себе все её трудности и страдания, Который хотя Сам и не согрешил, однако знает, что человеку очень трудно сохранить себя чистым от грехов. Это последнее обстоятельство собственно и побудило Его поступиться требованиями абсолютной Божьей правды в пользу требований неизмеримой любви Божией» [20;473]. Подобно матери, любящей незадачливых детей больше, чем преуспевших, Христос, по православному пониманию, более предрасположен к слабым, к кающимся, нежели к «природным праведникам» и безупречным исполнителям закона. Даже русский атеизм, как неоднократно подчёркивал Бердяев, первоначально питался нравственным максимализмом сострадания. Не чудеса науки и техники убеждали русское сознание в отсутствии бога, а холод официальной религии, лишённой настоящей христианской любви.

Любые значительные явления в сфере сознания обязательно проявляют себя в социальном опыте. До последнего времени этим опытом руководила идея прогресса. Милосердие в данной системе взглядов рассматривается как помощь или поддержка, оказываемая для получения некоторого результата, ответа, отдачи со стороны получающего помощь. Это он, человек, которому помогают, страдают и оказывают милость, должен изменяться, чтобы в и данной системе отношений сохранился принцип эквивалентного обмена. Настоящее христианское милосердие отношений эквивалентного обмена не знает, поскольку совершается по принципу дарения, когда вознаграждения не просто нет, а его наличие не предполагается, не ожидается и не одобряется. Изменяется же в своей внутренней сущности при оказании милосердия, в первую очередь, сам дарующий помощь или сострадание.

В условиях современности становится первоочередным вопрос о выборе системы взаимоотношений между отдельными людьми и целыми государственными образованиями – возможен ли безвозмездный обмен. Если на основе скрупулезного соблюдения эквивалентного обмена осуществления любая общественная практика, то буквально все наши действия требуется оговорить предварительными экономическими и юридическими условиями. Эта проблема была рассмотрена Ф. Фукуямой. Он пишет: «...люди, не испытывающие доверия друг к другу, смогут взаимодей-

вать лишь в рамках системы формальных правил и положений, которые нужно постоянно вырабатывать, согласовывать, отстаивать в суде, а потом обеспечивать их соблюдение, в том числе и с помощью мер принуждения. Все эти правовые приемы, заменяющие доверие, приводят к росту того, что экономисты называют «транзакционными издержками». Иначе говоря, преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от которой избавлены общества с высоким уровнем доверия» [21;13].

Социальный капитал нельзя свести к экономическому капиталу. М. Мосс высказывается об этом так: «Во всех обществах, которые непосредственно нам предшествовали и которые ещё нас окружают, и даже в многочисленных обычаях нашей народной нравственности нет середины: либо полностью доверяться, либо полностью не доверять; сложить оружие и отступить от своей магии или отдать все: от мимолетного гостеприимства до дочерей и имущества. Именно в подобном состоянии люди отказались от себялюбивых расчётов и научились брать на себя обязательство давать и возвращать» [22;220-221]. Анонимная вещь торгового (экономического) обмена создает только поверхностные и мгновенные связи между людьми. Уникально-индивидуальная вещь как объект дарения создает нерасторжимые связи братства, благодарности, восхищения и других сильных чувств, ломающих стену отчуждения. Дарение имеет одновременно и мистическое значение, и значение приращения социального капитала, взаимного доверия и взаимных обязательств между людьми.

Чувство подлинного, переживаемого как внутренний человеческий долг, обязательства возникает только в ответ на дар: всё то, что подарили нам наши родители и предки, что подарено нам нашей родной землей, нашей культурой и историей. В цивилизации тотального менового (эквивалентного) обмена понятие дара исчезает, но вместе с ним исчезает и понятие социальных и моральных обязательств (я расплатился и потому никому ничем не обязан и не должен). На самом деле это чувство «полностью оплаченных векселей» всегда ложно. Цивилизация обмена пользуется неоплаченными дарами и паразитирует на людях, сохранивших память о даре и связанную с ним моральную ангажированность. Современное меновое общество, отбивающее у людей охоту и способность к дарению, рискует растратой самого главного: готовности людей дарить плоды своего усердия, таланта, вдохновения миру, способному отдаривать.

Всякая общественная деятельность, всякая кооперация людей наряду с процедурами эквива-

лентного обмена стоимости требует бескорыстно авансированного доверия, заранее не предусмотренной инициативы. Словом – требует дара. Но управляющая элита ценность этого дара эгоистически не признаёт, в связи с этим сегодня мы видим социальное дезертирство тех, на кого общество (или его элитные слои) бездумно, эгоистически рассчитывали. В настоящее время социальное дезертирство проявляется во всех слоях общества, но в некоторых социальных группах оно уже обрело свою осознанную идеологическую форму, основанную на классовой подозрительности и классовом бунтарстве. Отсюда – дискриминация морального, эстетического, теологического типа суждений.

Православная церковь в современной России существует в условиях не просто социального расслоения и классовой поляризации общества. Бедность перестает выступать в качестве социальной категории, которой, по законам прогресса, следует сокращаться, а выступает в качестве «натуральной» антропологическо-морфологической характеристики, избличающей расово-неполноценных и неприкасаемых. Ответом на эти процессы может быть солидаристская этика, которая сегодня чаще всего трактуется как этика гражданской взаимопомощи. Это вполне вписывается в либеральный императив гражданской автономии. Взаимопомощь здесь предполагает участие примерно равных по своему «социальному потенциалу» партнёров, которые и обмениваются социальными услугами. Но это не вписывается в императив христианской жертвенности и сострадания. Те, у кого нет в распоряжении соответствующего социального капитала, обречены и на экономическую, и на гражданскую маргинализацию в обществе, которое живёт по законам социальной эффективности и эквивалентного обмена (хотя бы и не в денежной форме). Следовательно, мало структурного, институционального переворота, направленного на высвобождение гражданской социальной энергии. Требуется переворот духовный. Задача смены доминант: от морали успеха к морали справедливости и социальной солидарности.

В этих условиях церковь должна стать голосом обречённых на молчание, выразителем интересов забытых народных низов. Христианская сострадательность – это не просто одна из исторически сформировавшихся черт сознания и психологии, а условие существования человеческого рода. Лишённое сострадания, человечество немедленно раскалывается, теряет единство своих измерений и своей судьбы, идёт к глобальному взаимоистреблению. Силы, способные отменить логику естественного отбора в социальной среде, содержатся в духе христианского гуманизма,

в полной мере представленного в православном вероучении.

Итак, глобализация – объективный процесс мировой интеграции, имеющий в своём потенциале как позитивные, так и негативные характеристики. В настоящее время ход глобализационных процессов находится под влиянием небольшой группы стран, извлекающих из мировых событий наибольшую выгоду с помощью сложившегося приоритета. Российское общество, имеющее возможность сохранить своё идейное и культурное единство на основе православного христианства, вызывает ожесточённую критику западных либералов за свою преданность традиционным формам жизни.

Мировое значение православия заключается в том, что оно сумело претворить и в претворённом виде донести до современности живую энергию чувства космической причастности. Светлый космос православия – это космос, в котором спасение души совершается независимо от социальных и небесных иерархий. Православные сегодня – это глобалисты, мыслящие дорогу к спасению всех людей как обретение новой идентичности в борьбе с сомнительными достижениями прогресса и цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См.: Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический порядок. – СПб: Политехника, 2004; Клавдиенко В.П. Глобальные проблемы в контексте концепции устойчивого развития. – М., 2004.
2. См.: Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 2-ое издание. – М.: УРСС, 2005; Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. – М., 2004.
3. Жуков В.И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. – М., РИЦ ИСПИ РАН, 2003.
4. Там же.
5. Там же.
6. Moosmuller A. Interculturele kommunikation und global wirtschaft: Zu den risiken und chancen von kultureller differenz // Schweizerisches archive fur Volkskunde. 1998. № 2.
7. Burbach R., Robinson W. The Fin de Siecle Debate: Globalisation as Epochal Schiff // Science Society. 1999. Vol.93. № 1.
8. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002.
9. Там же.
10. Цит. по: Архм. Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. – М., 1996.
11. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002.
12. Там же.
13. Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991.
14. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобаль-

- ном мире. –М.: Алгоритм, 2002.
15. Степун Ф. А. Чаемая Россия. –СПб., 1999.
  16. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. –М.: Алгоритм, 2002.
  17. Nietschman B. The fourth world: Nations versus states / Reordering the World. Geopolitical Perspectives on the XXI century, Bouldes: Westview gross, 1999.
  18. См.: Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы // Социологические исследования, -М., 2004, № 10.
  19. См., например: Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: ИТК Дашков и К, 2003; Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. –М.: Альфа-М, 2004.
  20. Митрополит Макарий (Оксиюк). Эсхатология св. Григория Нисского. –М., 1999.
  21. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. –М., 1999.
  22. Мосс М. Общество. Обмен. Личность. –М., 1996.

УДК 323.329

Лобазова О.Ф.

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ И НРАВСТВЕННОМ ВОЗРОЖДЕНИИ*

Аннотация: Практика взаимовлияния светского и религиозного, религиозного и нравственного в культуре является отражением реального состояния сил, способных формировать содержание общественного сознания. Качественные характеристики современной российской интеллигенции определяют её способность влиять на состояние общественной нравственности на содержание и формы религиозности.

Ключевые слова: интеллигенция, религиозное возрождение, нравственность.

Проблема нравственного возрождения и его взаимосвязанности с возрождением религиозным обсуждается сегодня достаточно активно и в её разных аспектах. Кризисное состояние общественной нравственности отмечается не только при характеристике поведения и сознания различных социальных и демографических групп населения, находящихся в «зоне социального риска», но и при анализе состояния тех социальных субъектов, чьё нравственное состояние всегда было официальным эталоном и примером воспитания и формирования нравственного сознания. Речь идёт о тех, кто по своей общественной функции должен прививать остальным людям образцы нравственности – педагоги, журналисты, литераторы, художники, артисты и т.д., то есть об интеллигенции, создающей и транслирующей достиже-

ния культуры – светской и религиозной.

Потенциально деятели искусства, созданные и пропагандируемые ими идеи произведений искусства могут оказывать решающее эмоциональное и этическое воздействие на состояние общественного и индивидуального сознания. Сегодняшняя ситуация постмодернистского художественного плюрализма снижает реальную возможность искусства оказывать целенаправленное эффективное влияние на положительную динамику сознания, поскольку размывает нравственные оценки, этнические традиции, гуманистические принципы. Оказать регулирующее воздействие на состояние и тематику художественного творчества государственная власть может только опосредованно.

СМИ обладают потенциально колоссальной возможностью оказывать влияние на состояние общественного мнения и настроения. В последнее время предприняты некоторые усилия органов власти и учредителей органов СМИ для сокращения неконтролируемого потока информации для предотвращения разжигания религиозной розни, нагнетания экстремизма и фанатизма на религиозной почве. В большей степени подчиняться прямому регулированию, органы СМИ больше внимания оказывают проблемам соответствия правовому полю и избранному идеологическому курсу.

Система образования оказывается в самой

* © Лобазова О.Ф.